Мой любимый СУДЬЯ

BOOK IN STYLE

ЭББИ НОКС

Annotation

Хлоя

Я была одержима знаменитым пекарем с тех пор, как повзрослела достаточно для того, чтобы влюбиться в мужчину намного старше меня. Моя семья думает, что это невинная влюбленность в знаменитость, но чего они не знают, так это того, что я берегла себя для этого хладнокровного привлекательного старикана. И теперь, ко всеобщему изумлению, у меня появился шанс. Есть только одна проблема, которую, я надеюсь, он не заметит — я навожу ужас на кухне.

Филипп

Всему в моей жизни можно бесконечно позавидовать. Знаменитый шеф-повар с собственным телешоу, кулинарными бестселлерами и обширным поместьем — казалось бы, у меня есть все. За исключением одного. Мне нужен кто-то, кто помог бы мне заполнить эти пустые комнаты… любовью, детьми и женской рукой. И вот однажды единственное катастрофическое видео с прослушивания меняет все. Я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы встретиться с этой женщиной. Я только надеюсь, что она не возражает оставить приготовление еды на меня.

Эбби Нокс
Мой любимый судья
Серия: ВНЕ СЕРИИ

Переводчик: *Ленуся Л.*
Редактор: *Любовь Анисимова*
Вычитка: *Леруся Нефедьева*
Обложка: *Екатерина Белобородова*
Оформитель*: Юлия Цветкова*
Переведено специально для группы:
vk.com/book_in_style

Глава 1

Хлоя

— Кто это?

Горсть попкорна застывает на полпути ко рту, глаза прикованы к невозмутимому Папочке на экране.

Моя мама, свернувшаяся калачиком под одеялом на диване рядом со мной, нетерпеливым жестом просит меня передать ей миску с попкорном. Это наш любимый вечер недели, когда мы вместе смотрим соревнования по выпечке и едим нездоровую пищу. Мы уже просмотрели все, так что сегодня вечером с мамой пробуем новое для нас шоу. Я уже подсела.

— Филлип Вайлдвуд, — отвечает она после того, как передаю ей миску. — Предполагается, он какой-то суперизвестный шеф-повар по приготовлению хлеба, но я никогда раньше о нем не слышала.

Пока мама хрустит, отвлекаясь на закуски, я чувствую, как дремлющие места внутри пробуждаются от доминирующего присутствия на экране, словно ко мне взывает маячок.

Я изучаю манеры этого Филлипа Вайлдвуда, когда он оценивает каждого суетливого участника холодным, непроницаемым взглядом. Ледяной взгляд этого мужчины выбил из меня все умные слова.

Барьер телевизионного экрана никак не убеждает в том, что мужчина тоже не оценивает меня. А я — всегда гиперактивный старший ребенок — люблю, когда меня оценивают. Все свою жизнь я преуспевала под строгим руководством учителей, тренеров и наставников. Это ощущается иначе. Кажущееся холодным выражение лица Филлипа и то, как его аура заставляет нервничать всех вокруг, побуждает во мне не инстинкт побеждать в чем-то, а желание победить… его.

Мое пробуждение ощущается так, словно гадалка отодвинула занавес, отделяющий мое настоящее от моего будущего. Я смотрю прямо на свою жизнь через пару лет и мой будущий мир смотрит на меня с непреклонным уважением. Этот мужчина, кажется, стремится запугивать людей, но мое тело, разум и душа чувствуют нечто иное.

Я ничего не смыслю в выпечке, разве что как в зрелищном виде спорта. Но точно знаю одну вещь: однажды я выйду замуж за этого мужчину!

Как правило, я регулярно побеждаю в соревнованиях старшеклассников по шахматам, дебатам (комедийный монолог, большое вам спасибо) и модели Организации Объединенных Наций. Выпечка, кулинария и домашние таланты — удел моих сестер Кары и Чериз, пятнадцати и тринадцати лет соответственно.

Сегодня вечером Кара занята со своей учебной группой, а задорная Чериз на тренировке группы поддержки. Средний ребенок — Диана — мое самое доверенное лицо, сбежала из дома со своими друзьями — укурышами — *опять* — и взяла с меня клятву хранить тайну. Самая младшая, Сесиль, заперлась в комнате и пишет великий американский роман.

Хорошо еще, что сегодня вечером мои сестры не присоединились ко мне и маме. Они вчетвером превращаются в безжалостных маленьких сучек всякий раз, когда видят, как розовеют мои щеки, как правило, именно тогда на экране появляется ямочка на подбородке Генри Кавилла.

В Генри много интересного, но сегодня мне его очень жаль. Потому что, когда Филлип

Вайлдвуд открывает рот, чтобы заговорить, его акцент поражает меня. Я попала. Окончательно. Бесповоротно.

— Ох. Вау. Он… вау.

Мама небрежно приподнимает плечо.

— Так себе. Кажется, он немного самоуверен.

Но я вижу, что в Филлипе Вайлдвуде есть нечто большее, чем просто эго. Под слоем льда лежат океаны теплых течений.

— Однажды я рожу от него детей.

Моя мама фыркает, думая, что я преувеличиваю для комического эффекта.

— Он старше твоего отца.

— Ты этого не знаешь! — Я смеюсь. Но если она права, имеет ли это значение?

Однако меня осеняет осознание того, что потенциально может стать препятствием.

— Подожди минутку. Он в Великобритании?

Мама говорит с набитым попкорном ртом, наблюдая, как участница конкурса подпрыгивает на целый фут, заметив молчаливого Филлипа, стоящего позади нее и наблюдающего за ее техникой укладывания сушеных вишен в тесто бисквита.

— Место действия видно в названии шоу, Поп-Тарт. — Прозвище, данное мне мамой, заставляет меня усмехаться и закатывать глаза. Поп-Тарт — это, пожалуй, единственное, что не могу испортить на кухне.

И вот я здесь, на другой стороне пруда, переживаю свое сексуальное пробуждение.

Так не пойдет.

Так или иначе, я встречусь с Филлипом Вайлдвудом. И я сделаю его *своим*.

Глава 2

Филипп

— Чертовы американцы!

Черт бы побрал всех, если честно. Я выключаю новости, сегодня вечером больше не могу выносить какой-либо чепухи.

Покидая медиа-зал, направляюсь по каменному коридору в свою спальню, думая о том, как было бы здорово иметь кого-нибудь, с кем можно было поговорить о текущих событиях.

Быть Филиппом Вайлдвудом одиноко. Я сам в этом виноват.

Я останавливаюсь на полпути к своей комнате и кладу руку на дверную ручку самой роскошной комнаты в замке и это не кухня. Эту изысканную комнату я приберегаю для кого-то особенного. Вопреки здравому смыслу, открываю дверь, чтобы взглянуть.

Простыни защищают всю мебель, напоминая, что в моей жизни нет никого, кому я мог бы доверить секреты этой комнаты. Я называю ее детской. Осматривая кровать с балдахином, роскошное постельное белье, элегантную мебель, ультрасовременную звуковую систему и, конечно же, сундук, полный игрушек, я задаюсь вопросом, не поставил ли телегу впереди лошади.

Возможно, следовало дождаться женщину, прежде чем создавать единственную в своем роде комнату для наших игр.

Я уже собираюсь отправится спать, когда меня отвлекает пронзительный звук, доносящийся из библиотеки. В этом нет ничего удивительного, поскольку у меня есть привычка оставлять свой телефон заряжаться там на весь день, к большому разочарованию моего помощника.

Голый каменный пол остужает ноги, пока угрюмо тащусь в библиотеку. Какого черта мне, парню рабочего класса из Ливерпуля, покупать пустой Уорвикширский замок для себя одного? Во-первых, потому что мог. Во-вторых, это место создает потрясающие пасторские визуальные эффекты для моего шоу «Лучший пекарь Британии». А еще потому, что я ошибочно думал, что женюсь к сорока годам и это пустое пространство к настоящему времени уже будет переполнено детьми. *Еще раз, Филипп, твои мечты больше, чем твоя реальность.*

Я мчусь в библиотеку, полный решимости покончить с этим цифровым обменом, чтобы можно было лечь спать. Одному. Как всегда.

«Пожалуйста, проверь свою электронную почту», — это сообщение, которое читаю от своего помощника Джейсона. Хмыкнув, захожу в электронную почту и вижу письмо от исполнительного продюсера.

«Мы планируем продюсировать специальный американский эпизод шоу».

Я не утруждаю себя чтением остального.

Звоню исполнительному продюсеру, Харлоу, не заботясь, что время уже за полночь. Она управляет финансами, но прямо сейчас может забыть об этой ужасной идее.

— Я знаю, почему ты звонишь, Филипп. Но идея уже была озвучена фокус-группе. Люди отреагировали положительно и нам нужно что-то свежее. Мы теряем зрителей.

— Это не моя проблема, — ворчу. — Я даю им именно то, что они хотят, с самого начала.

— С годами ты стал еще ворчливее. Фокус-группа сказала, что ты зануда. Нам нужен

более мягкий образ.

— Харлоу, мы друзья, так что я скажу правду. У Филиппа Вайлдвуда есть два состояния: голодный и возбужденный. И то, и другое делает меня очаровательным парнем, в которого все влюбляются. Ворчливый — мой стиль.

Харлоу вздыхает.

— Как бы мне ни нравилось, когда ты говоришь о себе в третьем лице, — саркастично говорит она, — бренд Вайлдвуд стал менее очаровательным, чем раньше.

Она делает паузу, ожидая моего ответа и я позволяю тишине повиснуть на мгновение. Возможно, она и права.

— Ладно, — отвечаю сквозь стиснутые зубы. — Я согласен. Но в том, кто пройдет в шоу, последнее слово за мной.

— Конечно, — щебечет Харлоу, ее лучезарную улыбку слышно даже через телефон. — Спокойной ночи, Филипп.

Я вешаю трубку и направляюсь к своей ожидающей пустой кровати королевского размера.

К сожалению, я не могу отшлепать американца по всемирному телевидению, но нахожу утешение в перспективе, фигурально выражаясь, заставить самоуверенного колониста подчиниться.

Глава 3

Хлоя

Моя мама и все четыре младшие сестры шокированы тем, что меня покажут по телевизору.

Не знаю, почему они так реагируют. Я ни о чем другом не говорила с семнадцати лет. Сейчас, когда мне двадцать три, я просмотрела каждый эпизод этого английского кулинарного шоу по меньшей мере сто раз в перерывах между классами импровизации и стенд-ап выступлениями. Купила все кулинарные книги Филиппа Вайлдвуда и выучила их наизусть. Я по крайней мере ежедневно знакомлю свою семью со своими ужасными навыками выпечки. И даже написала непристойный комедийный эпизод о своей влюбленности, а также всегда разрываю всех в «Корзинке смеха». Или, по крайней мере, я разорвала в тот единственный раз, когда в аудитории были поклонники британского телевидения.

— Но ты даже не умеешь печь! Как это возможно? — спрашивает мама, не веря поздравительному письму, даже когда читает его на моем телефоне.

Я с тоской смотрю на тарелку с булочками на столике для завтрака. Это вещественное доказательство «А». По текстуре они напоминают хоккейные шайбы. Но ничто не может испортить мне настроение. Вселенная благословила меня великолепной возможностью, и я собираюсь пойти и забрать своего мужчину.

Папа, потому что он замечательный человек, который будет лгать, чтобы защитить мои чувства, басит из-за своей утренней газеты:

— Мне понравился тот мягкий крендель, который ты испекла на мой день рождения, так что не позволяй никому говорить тебе, что ты чего-то *не* умеешь.

Я приседаю в реверансе.

— Спасибо, пап.

Он улыбается мне, а затем смотрит на маму.

— Видишь? Она даже знает, как сделать реверанс при встрече с королевой.

Я хихикаю.

— Я не собираюсь встречаться с королевой. Особенно, если она когда-нибудь слышала ту единственную шутку, которую я отпустила о принце Эндрю.

Папа подмигивает мне.

— Никогда не знаешь наверняка.

— Билл! Не поощряй ее. Я пытаюсь помешать ей тешить себя надеждами, спасти ее от неприятия и унижения. В чужой стране, не меньше!

— Не нужно обнадеживать меня, — щебечу я. — Я уже знаю, что так и должно быть.

Мама раздраженно поворачивается к моему отцу.

— Единственная причина, по которой она хочет поехать, заключается в том, что у нее есть дурацкая идея заставить этого грубого британского судью влюбиться в нее.

— Того старика? Ха. — Папа выглядит нейтральным. Может, он чувствует, что в двадцать три года ему больше не нужно так меня защищать. Он был прав.

— Да! Разве это не заставляет тебя хотеть защитить свою единственную дочь от боли? Я посмотрела, ему сорок восемь лет! Старше тебя!

— Ха, — повторяет папа. Я знаю этот звук. Он поглаживает свою бороду. И тут я слышу

улыбку в его голосе. — Ты знаешь, за ней бы хорошо присматривали. Он, вероятно, будет относиться к ней лучше, чем те жуткие чуваки-комики из «Корзинки смеха». И она всегда хотела поехать в Англию.

Мама кудахчет:

— Это потому, что она тянулась к этому мужчине! Говорю тебе, фантазия вышла из-под контроля!

— Вот, что я скажу тебе, — говорит папа, вздыхая и складывая газету. — Как насчет того, если она все-таки поедет в Англию и впоследствии будет унижена, тогда ты сможешь сказать «я же тебе говорила», а я могу профинансировать совершенно новую машину по ее выбору. Это меньшее, что мы можем для нее сделать, учитывая все долги, которые у нее появились после занятий по импровизации, актерскому мастерству…

Я бегу к нему, обнимая единственного человека, кроме сестры Дианы, который по-настоящему понимает меня.

Мама качает головой.

— Ты ее избалуешь.

Однако папино лицо сияет неуемным солнечным светом, совсем как у меня.

— Срази их наповал, принцесса.

***

И вот теперь я здесь, готовлюсь сразить их всех наповал.

Я берегла себя для Филиппа Вайлдвуда и мой день, наконец, настал.

Я в Лондоне, направляюсь навстречу с ним. Но, согласно моему маршруту, на самом деле я нахожусь в английской сельской местности, где-то недалеко от местечка под названием Уорвикшир. Не просите меня произнести это еще раз.

После того, как дворецкий проводил меня в мою комнату в крыле, где остановились шесть других американских конкурсанток, я решаю осмотреться. Просидев так долго в самолете, я готова лезть на стены. Мы все должны встретиться в бальном зале через тридцать минут, чтобы получить инструктаж от продюсеров шоу, так что я уверена, что смогу быстро прогуляться по территории. Чтобы проникнуться духом, я позаимствовала потрясающее викторианское платье у театральной труппы моей подруги. Когда еще в моей жизни у меня будет возможность побродить по месту, похожему на съемочную площадку исторического фильма, одетой как благородная дама? Никогда. И еще? Благодаря ему мои сиськи выглядят потрясающе.

Территория замка не разочаровывает. Потрясающий розарий спрятан за холмом в задней части замка, с видом на небольшое озеро, гладкое, как стекло, если не считать группы лебедей, скользящих по поверхности. Меня вдруг осеняет, что, возможно, не смогу найти дорогу обратно в бальный зал, но мне все равно. Аромат огромных бутонов переполняет меня и возникает желание прилечь на траву и впитать всю красоту.

Ветерок такой приятный, небо голубое и я действительно здесь, в доме моей единственной настоящей любви. Просто он еще не знает об этом.

Я закрываю глаза и вдыхаю аромат роз, гадая, что скажу, когда наконец встречу своего Филиппа.

Глава 4

Филипп

Сегодня тот самый день и меня внезапно охватывает паническое чувство, что я зашел во всем этом слишком далеко.

Расхаживая взад-вперед по комнате, я не могу придумать ни единого слова для вступления.

Когда Хлоя узнает, что я подстроил весь этот процесс только для того, чтобы встретиться с ней, она помчится обратно в Хитроу. Вполне оправданно.

Несколько недель назад я просматривал видео с прослушиваний, одно за другим. Примерно через пятьдесят невыносимых видеороликов я заметил ее. Не удостоенный наград домашний пекарь, но победитель во всех других неизмеримых отношениях. Длинные темные волосы обрамляли пару глубоких проникновенных карих глаз, задорный носик и пухлые губы, изогнутые в озорной усмешке. На ней был фартук с оборками, она шутила и болтала во время провальной кулинарной демонстрации. В какой-то момент она подожгла сотейник. Она потушила его фартуком — будучи все еще в нем — и продолжила рассказ о своей жизни, не сбиваясь с ритма, будто ничего тревожного не происходило.

В тот день я не знал ее имени и мне было все равно. На кухне она была кошмарна, но это тоже не волновало. Я просто знал, она *должна* быть моей.

Конечно, я мог бы разыскать ее, вместо того чтобы приглашать сюда под предлогом, что у нее есть хоть какие-нибудь шансы выиграть конкурс выпечки. Проблема в том, что я настолько ужасен в знакомствах с женщинами, что, честно говоря, не знаю, что было бы более жутким.

Я так нервничаю из-за встречи с женщиной моей мечты, что приходится избавляться от своего беспокойства. Режиссер назначил мне встречу с конкурсантками в бальном зале через тридцать минут… достаточно времени для небольшой прогулки.

Я не думал ни о чем другом с тех пор, как увидел запись прослушивания Хлои.

Я решаю прогуляться по розовому саду, так как это всегда успокаивает мои нервы. Когда добираюсь до дальнего конца сада, я вижу сцену, которая будто сошла со страниц викторианского романа. Молодая женщина в длинном платье с завышенной талией лежит в высокой траве.

Когда подхожу ближе, я застываю на месте. Это Хлоя. Но это…

Не говори «невозможно», кретин. Конечно, это возможно. Ты начал эту игру. И вот она здесь.

Точнее, ее здесь быть *не* должно. Она должна быть в бальной зале и ждать меня.

— Какого черта ты делаешь в моем розовом саду?

Девушка садиться, выпрямившись, с дикими глазами, растрепанными волосами, ее платье покрыто травой.

— Что? Где я?!

О, боже. Я напугал бедную девушку. Возможно, был слишком груб.

— Ты в моем розовом саду. И если не ошибаюсь, я думаю, что ты моя. То есть, думаю, ты моя конкурсантка. Одна из них. На шоу.

Боже. Я выставляю себя полный дураком.

Она потирает лицо и смотрит на меня снизу вверх, затем ее глаза расширяются.

— Это ты!

Я скрещиваю руки на груди.

— Ты меня знаешь? — Стараюсь не казаться слишком довольным, уверенный, что у меня это совершенно не получается.

Она хватается за грудь.

— Хорошо, что сижу, потому что если бы я стояла, то сразу бы упала в обморок! — У нее южноамериканский акцент, который еще более выражен, чем на видео и приходится бороться с желанием поцеловать ее, прежде чем она начнет что-то лепетать.

— Извини, если напугал. Я не очень хорош в знакомствах.

Она изо всех сил пытается встать, а я чувствовал себя идиотом из-за того, что сразу не понял, что ей нужна помощь. Я хватаю ее за руку и помогаю подняться на ноги, отряхивая траву с ее юбок.

Оглядев девушку с головы до ног, я понял, что она еще прекраснее, чем думал, судя по видео с ее прослушивания. Ее темные волосы заплетены в замысловатую косу вокруг головы. На ней странное старомодное платье, поверх которого надет передничек. Ее глубокие карие глаза изучают меня и все еще кажутся испуганными. Это последнее, чего я хочу. К тому же она меньше, чем я предполагал. Пониже ростом и с мягким, женственным телом, которое я бы с удовольствием перекинул через плечо, как Пират Пензанса[1], и прямо сейчас, черт возьми, прошествовал в свои личные покои.

— Хлоя Уильямс? — говорю, проглатывая эмоции, застрявшие у меня в горле. Эти чувства угрожают уничтожить меня, разрушить всю мою личность, мою репутацию. Я ввязываюсь прямиком в роман с конкурсанткой, и никто во всем королевстве не сможет остановить меня.

Ее милое круглое личико расплывается в самой душераздирающей улыбке, которую я когда-либо видел. Она освещает тьму в моей душе и угрожает свести на нет все годы, которые я потратил, возводя вокруг себя эту броню.

— Ты знаешь меня?

Нет причин лгать.

— Да. Конечно, знаю, любимая. Я считаю твое видео с прослушивания…. Ну, незабываемым — слово, которое приходит на ум. Добро пожаловать в Уорвикшир.

Возможно ли, что эта улыбка стала еще шире? Что ее лицо стало еще прекраснее?

Она выглядит такой растерянной и невинной; мое сердце разобьется, если она узнает, что попала сюда не из-за достоинств выпечки.

— Сначала мне придется попробовать тебя.

Она моргает, глядя на меня, ее губы становятся темно-розовыми.

— Что?

О черт. Я сказал это вслух. Я слишком долго разговаривал сам с собой.

Она сгибается пополам в приступе смеха.

— Будь осторожен со мной, я, вероятно, скоро воспользуюсь предложением.

Скоро?

— Забудь, что я сказал.

— Не смогла бы. Я… мне нужно кое в чем признаться. Я смотрю ваше шоу уже много лет, и… Ну, это кажется глупым, знаю, но правда в том, что…

Щеки Хлои покрываются румянцем такого оттенка, который соперничает с моими лучшим розами. Ее грудь быстро поднимается и опускается в такт нервному, неглубокому

дыханию, соблазняя меня непристойными желаниями. По размеру и форме они идеально поместятся в моих ладонях. Мои жадные пальцы зачесались от желания прикоснуться к ее сияющей коже, провести большим пальцем по ее губам… и использовать другую руку, чтобы яростно довести девушку до оргазма. Я мог бы заставить это очаровательное, беззащитное личико исказиться от вожделения одним-единственным пальцем. Мог бы схватить это соблазнительные детородные бедра и заставить ее умолять. О, я непременно так и сделаю. Я испорчу этот маленький американский пирожок. К тому времени, как с ней закончу, она будет совершенно уничтожена для кого угодно, кроме меня.

Проклятье, где мои манеры?

Я не могу допустить, чтобы ее дисквалифицировали еще до начала шоу.

— Не… не заканчивай это предложение. Ты же не хочешь, чтобы я знал о тебе слишком много!

Ее улыбка не угасает, она лишь принимает любопытный вид.

— Оу?

— Да. Ты же знаешь, *я* судья. Нам даже не следовало разговаривать. Никакой фамильярности до… после.

Ее губы приоткрываются то ли от шока, то ли от отвращения.

Я протягиваю к ней руку и говорю:

— Я не хотел тебя обидеть. Пожалуйста, не пойми неправильно.

Она закрывает рот и ее блестящие губы изгибаются в легкой понимающей улыбке.

— Я никогда бы не смогла неправильно к вам отнестись, мистер Вайлдвуд. Я думаю… думаю, я просто… просто…

Ее лицо внезапно расслабляется и мне требуется полсекунды, чтобы понять, что она подавлена. Я подхватываю ее как раз в тот момент, когда у нее подкашиваются колени.

— С тобой все в порядке, любимая?

Ее глаза распахиваются, и она улыбается мне.

— Джетлаг, — рассеянно отвечает она, ее взгляд блуждает по моим губам. Боже, девушка, наверное, видит, как у меня изо рта начинают течь слюни. У меня сложилось отчетливое впечатление, что она позволила бы мне поцеловать ее прямо сейчас. Я был бы чудовищем, если бы сделал это, но было бы еще хуже, если бы я позволил ей участвовать в конкурсе.

Мужские голоса прорезают мечтательную атмосферу розового сада, я поднимаю глаза и вижу, что мой ассистент, исполнительный продюсер, режиссер и мой публицист уставились на нас… на меня, обнимающего одну из конкурсанток, которую я, как предполагается, буду оценивать.

— Филипп! Они, э-э-э, все ждут вас в бальном зале, — говорит режиссер Джейми.

— Как вижу, там все, кроме одной, — с ухмылкой замечает Харлоу.

Это не к добру.

[1] *(примеч. Пираты Пензанса, или Раб долга (англ. The Pirates of Penzance; or, The Slave of Duty) — комическая опера в двух действиях на музыку Артура Салливана и либретто Уильяма Гилберта)*

Глава 5

Хлоя

Сегодня первый съемочный день: день печенья. Или, как, по-моему, их здесь называют, бисквитов.

Я сильно нервничаю.

Наверное, еще больше после того, как случайно встретила его вчера в розовом саду.

Остается надеяться, что я не произвела ужасного первого впечатления. Представьте себе, что вы обнаруживаете незнакомую женщину, спящую на траве у вашего дома! Участницу, ни много ни мало, которая в это время должна была находиться в другом месте.

Мои воспоминания возвращаются ко вчерашнему дню, особенно к тому моменту, когда Филипп заключил меня в свои объятия. Я потеряла сознание из-за того, что слишком быстро встала. Он больше, массивнее и сильнее, чем выглядит по телевизору. В жизни его волосы и глаза были в два раза ярче. Моя одержимость переросла в настоящее животное влечение, настолько сильное, что я могла бы взобраться на него, как на дерево. Он и его сильные, мужественные пальцы могли бы изнасиловать меня десятью способами прямо там, на траве и я бы сказала: «Спасибо, сэр, можно еще?».

Он слишком большой, слишком красивый для меня. Как, черт возьми, мне удалось продвинуться в этом уважаемом соревновании мастерства так далеко? Он сразу поймет, что я мошенница и тогда я упущу свой шанс. Он будет разочарован, а я с этим не справлюсь.

Однако тихий голос в голове напоминает мне о том, кто я.

Ты — Хлоя Уильямс. Ты принадлежишь этому месту так же, как и все остальные. И этот мужчина — твой будущий муж. Так что давай испечем какое-нибудь чертово печенье.

Всех шестерых конкурсанток ждут на своих местах в бальном зале, проверяя и перепроверяя наши ингредиенты. Я провожу руками по своему розовому фартуку в горошек, изучая одежду, которая была на мне под ним. Достаточно ли она сексуальна, чтобы привлечь внимание Филиппа? Слишком сексуальна? Подходит ли к цвету моей кожи? Я открываю слишком много кожи?

Словно тучи расступаются и небеса разверзаются, когда он наконец появляется рядом со своей коллегой-судьей Джорджианной. При виде Филиппа внутри все переворачивается от радости, а мои женские прелести гудят от тоски.

Была ли это идея ужасной — сохранить свою девственность для знаменитости? Возможно. Я чертовски возбуждена; знаю, что ни за что не смогу сосредоточиться на рецепте бисквита.

— Пекари, — ворчит он. — Добро пожаловать в Уорвикшир. Ради нашего американского конкурса на этой неделе мы изменили некоторые термины, чтобы избежать путаницы. Печенье, вместо бисквитов, например. Однако некоторые вещи нет. А именно: как мы измеряем ингредиенты. Если вы не привыкли к метрической системе, не бойтесь.

Здорово. У меня чуть не случился приступ паники, когда он сказал «метрическая система». Я такая идиотка, что совершенно забыла об этом.

На секунду мне кажется, что он собирается сказать нам, что рецепты переделали. Но этого не происходит.

— У каждого из вас есть весы для взвешивания продуктов и таблица пересчета. Всегда пожалуйста. И удачи.

Мы все смотрим на Филиппа широко раскрытыми глазами, пока он не рычит:

— Приступайте.

Это выводит меня из ступора и я немедленно начинаю пересчитывать количество ингредиентов для рецепта, который написан на американском английском. Я уже начинаю потеть.

Дополнительная работа занимает не менее пятнадцати минут, которые мне не приходится тратить впустую, но, в конце концов, я замесила тесто для печенья так, как мне хотелось.

Когда я выкладываю тесто ложкой на подготовленные противни для печенья, возникает странное чувство, будто я что-то забыла.

Внезапно мои чувства щекочет мужской аромат. Тонкие волоски на затылке встают дыбом.

«Продолжай работать, Хлоя», — говорю себе.

— Забыла что-то?

Мужской голос выбивает меня из колеи.

Вскрикнув, оборачиваюсь и вижу Филиппа, стоящего прямо передо мной. Дрожа, я беру себя в руки, а мужчина инстинктивно протягивает руку, чтобы поддержать меня, пока я это делаю.

— Я не знаю. Я забыла что-то?

Филипп пристально смотрит на меня. Этот волчий, нечитаемый взгляд, который присутствует в каждом эпизоде… а также в моих снах. Конечно, он ничего мне не скажет.

Я не хочу отводить взгляд от его милого личика, но мне нужно поставить печенье в духовку. Я поворачиваюсь, беру один противень, открываю дверцу духовки… и понимаю, что забыла.

— О черт! Я забыла включить духовку!

Двое их ближайших соперников издают сочувственные звуки. Я вожусь с незнакомым циферблатом.

— Что? Эти цифры не имеют никакого смысла.

— Это конвекционная печь, любимая.

Я снова оборачиваюсь и вижу едва заметный проблеск улыбки в его глазах, когда он уходит. Дьявольские морщинки возле глаз с каждым годом становятся все сексуальнее.

Он назвал меня *«любимая»*. Снова. Это уже третий или четвертый раз.

Я не знаю и мне все равно, принято ли так называть людей, которых ты не обязательно любишь или даже хорошо знаешь. Я собираюсь плыть по течению до конца недели.

Этого достаточно, чтобы придать мне уверенности, определить температуру и взять мой мини-кризис под контроль. Сейчас время выбрано немного неправильно… я только что поставила печенье в духовку, предварительно не разогретую до конца. Но, по крайней мере, они будут готовы вовремя. Надеюсь.

Глава 6

Филипп

Кто она?

Не считая глупой девчонки, которую нашел спящей в розовом саду, конечно. И не считая горячего беспорядка в ее видео для прослушивания.

Со своим розовым фартуком, солнечным нравом и теплыми, дружелюбными глазами она моя полная противоположность.

Я перерыл весь интернет в поисках чего-нибудь о ней и мне катастрофически не хватило информации. Она — загадка.

Хлоя порхает вокруг своего рабочего места, замешивая кашу из муки и сахара. Измеряет, высунув свой маленький язычок, будто это помогает сосредоточиться. Затем повторяет все тоже самое, потому не уверена, что все пересчитала правильно.

Она напевает во время работы, разговаривает сама с собой, чешет в затылке, выкладывает целых две порции теста для бисквита и все равно на ее лице остается эта неописуемая улыбка. Как? Как она это делает?

Чем больше девушка обращается со своими кастрюлями и сковородками, как держит миксер, тем больше убеждаюсь, что она понятия не имеет, что делает. Что она здесь забыла? Зачем вообще прошла прослушивание на конкурс выпечки, если ей даже в голову не пришло изучить виды печей, которые мы используем в шоу? Она проиграет и будет унижена. Ее печенье получится ужасным.

И чья это вина, Филипп? Ты настоял на просмотре всех кандидаток, но именно *она* заставила твой член затвердеть. Ты позаботился о том, что она опозорилась на телевидении.

Я должен убрать ее из шоу. Не могу позволить ей выставить себя дурочкой.

Думал, что было бы забавно переправить эту очаровательную американку через океан и заставить ее подчиниться моей воли, но она покорила меня своей искрометной индивидуальностью. Я люблю ее и ненавижу это.

Черт возьми, кто научил эту женщину печь? И почему она покрывает этих наполовину испеченных уродцев ярко-синей глазурью?

Джорджианна задает Хлое тот же самый вопрос, когда наступает время оценивания:

— Почему ты выбрала такой яркий цвет для глазури? Он ничего не добавляет вкусу.

Улыбка Хлои лишь слегка дрогнула, но затем она отвечает, глядя прямо на меня:

— Я хотела испечь печенье такого же цвета, который напоминал бы мне глаза Филиппа. И я совсем не думаю, что они зловещие. Они подобны ясному небу в холодный зимний день. Это тот самый голубой цвет, который поднимает мне настроение, когда чувствую себя подавленной.

Другие конкурсантки хихикают над ее откровенным признанием, что ей нравятся мои глаза. Стороннему наблюдателю кажется, что она пытается подразнить угрюмого судью. Она была бы не первой, кто пытался это сделать. Но я вижу, что здесь происходит.

— Мне очень жаль говорить тебе это, дорогая, но они просто ужасны. Подгорелые края. Сырая сердцевина, — замечает Джорджианна.

Я скрещиваю руки на груди, затем передумываю и просовываю пальцы в петли для ремня. Снова меняю позу и просто стою, опираясь сжатыми кулаками о столешницу, в своей фирменной позе. Редакторы сами решат, какой кадр использовать.

Мне просто нужно придумать, что сказать, а затем перейти к следующему участнику. У меня пересыхает во рту. Не могу сказать, что думаю. Это правда, ее бисквит просто ужасен. Но я тронут ее нежностью по-новому и странно.

Что она со мной делает?

— Твои… твои бисквиты. У них действительно есть проблемы. Но… о боже, подождите.

Операторы что-то бормочут и передергивают плечами, пока я тянусь за бутылкой воды. Я проглатываю ее и передаю обратно ассистенту режиссера, а камера снова начинает снимать. Я не могу сказать то, что хочу, поэтому молю бога, чтобы глупая девчонка умела читать между строк.

— Они не безнадежны. Ты очень обаятельна, но слишком много думаешь.

Из вежливости я стараюсь не подавать виду, что мучаюсь, пытаясь расправиться с оставшимися бисквитами конкурсантов.

Как только мы закончили съемки на сегодня, я отправляюсь на поиски Хлои.

Мне даже все равно, кто услышит, как я кричу ей вслед, когда она направляется к лифтам в гостевое крыло. Она дергает завязку своего фартука, слегка наклонив голову и ссутулив плечи.

— Хлоя!

Она оборачивается.

— Д… да? — Я протягиваю руку, чтобы придержать дверь.

Остальные участники потихоньку поднимаются по лестнице и других лифтах, и я не произношу больше ни слова, пока они не уходят.

— Хочешь, покажу тебе, что ты сделала не так?

Ее карие глаза сверкают, и она прикусывает губу.

— Я не сделала ничего неправильного, — говорит она. — Я попала в тебя. В плане, в твои глаза. Я идеально попала в цвет твоих глаз.

Изучая ее лицо, не могу решить, издевается она надо мной или нет.

— Кухня в твоем распоряжении, если хочешь попрактиковаться завтра.

Она выдохнула.

— Вау. Честно говоря, я устала и не хочу снова смотреть на духовку до завтра.

— О! Значит, ты готова ко дню хлеба?

Она качает головой.

— Вовсе нет! Приготовление хлеба — самое худшее. Без обид, я просто не понимаю, в чем суть. Помимо аромата…

Я больше не могу этого выносить. Я отпускаю дверь лифта и вхожу внутрь, возвышаясь над Хлоей, прижимая ее к стене. Я обхватываю ее маленькое, веселое личико и прижимаюсь губами к ее губам. Сначала осторожно. Когда ее тело вздрагивает от удивления и она ахает напротив моего рта, волна желания захлестывает меня и я сжимаю ее волосы в кулак. Хлоя испускает сексуальный, шумный маленький вздох. Я углубляю поцелуй и ее вздохи переходят в хныканье, которое затем превращается в голодный стон, вызывающей в моем извращенном мозгу всевозможные извращения.

Я отстраняюсь, потому что знаю, к чему это приведет. Это приведет к тому, что языки проникнут в рот, а руки будут ласкать обнаженную плоть. Я уже наполовину задыхаюсь от вожделения.

— Почему ты остановился? — спрашивает Хлоя, задыхаясь так же, как и я, и улыбаясь

моему разочарованию.

Я был уверен, что она собирается влепить мне пощечину за то, что сначала не спросил о поцелуе.

— Ох, малышка Хлоя. Ты не готова к тому, что произойдет, если я не остановлюсь.

Ее розовый язычок высовывается наружу, и она придумывает губы.

— Если бы ты только знал. Видишь ли, — говорит она, делая паузу, чтобы подавить свою нервозность, — я берегла себя для тебя.

Мое эго вот-вот взлетит до небес, но это не может быть тем, что она имеет в виду.

— Ты хочешь сказать, что хотела встретиться со мной. Попасть на шоу. Копила деньги на поездку?

Она качает головой и понимающе смотрит на меня снизу вверх.

— У меня есть секрет, и я расскажу его тебе прямо сейчас. Подойди ближе.

Сглатывая, с колотящимся сердцем, я низко наклоняюсь, чтобы ей не пришлось вставать на цыпочки и тянуться до моего уха. От ее дыхания по коже, словно лестной пожар, распространяются мурашки, а кровь приливает к моему члену.

— С тобой был мой первый поцелуй, Филипп.

Я отшатываюсь назад.

— Сколько тебе лет?

Она моргает, глядя на меня.

— Двадцать три. Это важно?

Я уже вижу заголовок в «Daily Mail».

— Мне сорок восемь.

Хлоя улыбается.

— И?

Я улыбаюсь и провожу пальцами сквозь прядь волос, позволяя им рассыпаться по моей руке, вызывая в воображении картину этой великолепной гривы, раскинувшейся по моей подушке. А еще лучше — взмокшей от пота после энергичного секса, ломающего кровать.

— И тебя не волнует, что я достаточно взрослый и гожусь тебе в отцы?

Она опускает взгляд, затем хлопает своими длинными, соблазнительными ресницами, глядя на меня.

— Ты старше моего отца. Мои родители поженились молодыми.

— Господи.

Она слишком пренебрежительно пожимает плечами. Мне стоит быть осторожным.

— Послушай, — говорит она. — Ничто и никогда не могло встать у меня на пути. Возможно, я единственный стенд-ап-комик-девственница во всех Соединенных Штатах. Неужели ты думаешь, что я чего-то боюсь? И посмотри, где мы сейчас.

Я изучаю ее лицо. Такое открытое, такое уязвимое. Это не может быть правдой.

— Если ты стендапер, то почему о тебе нет никакой информации в интернете?

Ее глаза загораются.

— Ты гуглил меня!

— Да.

— Я выступаю под псевдонимом. Индустрия кишит подонками. Кроме того, я на удивление не так уж успешна.

Я ничего не знаю об условиях работы комиков где бы то ни было, но мысль о том, что кто-то хоть с каким-то намеком смотрит на Хлою, заставляет голову взрываться. Я должен

поцеловать ее снова, чтобы успокоить свое сердце, которое выскачет из груди.

Полные губы Хлои погружают меня в блаженство. И все же не могу не признать тот факт, что такое совершенное, невинное юное создание, как Хлоя, должно быть поцеловано хорошим мальчиком ее возраста. Уважительный молодой человек с таким же солнечным мировоззрением, которого мир не раздражает на каждом шагу. Кто-то, кто не хочет обладать ею и держать в кармане. Мне не следовало бы так радоваться, узнав, что я первый, кто когда-либо целовал эти губки, но безумно рад узнать, что я также и последний. Потому что теперь, когда она здесь, я никогда не позволю ей уйти от меня.

Я притягиваю ее ближе к себе и продолжаю целовать ее мягкие губы, одновременно тяну тесемку фартука у нее на пояснице. Она отстраняется, чтобы сбросить фартук и тут же притягивает меня обратно, чтобы углубить поцелуй.

Не могу насытиться. Я хочу ее. Я хочу ее всю — больше ее ванильного и цитрусового аромата в легких и ее вкуса на моих губах.

Я прижимаю ее к себе так близко, как только могут прижаться два существа, как раз в тот момент, когда ее сочный язычок дразнит мою нижнюю губу.

Я абсолютно обречен.

Но в тот момент, когда отрываюсь от ее губ и провожу по ее губам языком, двери лифта открываются, и резкий голос эхом разносится по коридору. Хлоя замирает, когда приближаются шаги.

— Филипп? Вот ты где! Нам нужно обсудить эту маленькую психованную пироженку… о, прошу прощения! — Я поворачиваюсь, чтобы показать режиссеру Джейми, что «маленькая психованная пироженка» прямо здесь.

— Следи за языком, — говорю я.

Джейми цокает на меня.

— Протекция? Это является основанием для дисквалификации. — Я открываю рот, чтобы поставить его на место, но Хлоя опережает меня.

Она отталкивается от стенки лифта, чтобы встретиться лицом к лицу с Джейми.

— Так и есть. Ты должен сделать это. Немедленно дисквалифицируй меня и придумай причину моего ухода. Я бы никогда не хотела запятнать репутацию этой уважаемой программы.

Джейми втягивает свои пресловутые когти.

— Я просто думаю, что это неприлично и… и несправедливое преимущество.

Хлоя щебечет:

— Я ужасный пекарь и проиграю, несмотря ни на что.

Я не могу удержаться и фыркаю:

— Мне неприятно это говорить, но так и есть.

Джейми переводит взгляд с Хлои на меня и видит, что ему не выиграть этот раунд. Он уходит, оставляя меня — наконец-то — наедине с моим восхитительным маленьким американским бисквитом. Или *печенькой*.

— Итак, на чем мы остановились?

Глава 7

Хлоя

Если бы лифт был стеклянный, от нас запотели бы все стены, от того, как мы целовались, болтали и заставляли друг друга смеяться, как подростки, кто знает как долго.

Филипп — настоящий джентльмен, черт возьми. Я была готова к тому, что мою Д-карту пробьют в лифте — сколько людей могут так сказать? — но, с другой стороны, мне приятно осознавать, что, возможно, я первый человек, который рассмешил сексуального Филиппа Вайлдвуда.

Увы, наше маленькое знакомство в лифте заканчивается слишком рано, так как пришло время готовиться к вечерней встрече с режиссером, который проинформирует нас о завтрашних съемках.

Мы с Филиппом решаем, что для шоу будет лучше, если мы больше не попадем в гущу интерлюдий, как сегодня.

В тот вечер, после краткого производственного совещания по поводу завтрашнего дня хлеба, некоторые из конкурсантов пригласили меня присоединиться к ним в деревне и выпить. Я отказалась, так как никогда не увлекалась алкоголем. Кроме того, я не хочу отвечать ни на какие вопросы о моем глупом печенье или об очевидном флирте с Филиппом.

Я не сомневаюсь, что сплетни быстро разлетаются.

Вместо этого я иду в свою комнату, сажусь на массивную кровать с балдахином и провожу следующие несколько часов, переписываясь с мамой и моей близкой сестрой Дианой. Диана, которой двадцать один год, самая необузданная из нас пятерых и наименее требовательная к моим решениям.

Я рассказываю маме обо всем, кроме поцелуев. Она все еще очень настороженно относится ко всей этой ситуации. Ей я выкладываю все начистоту. Диана целую вечность рассказывала мне свои собственные озорные истории, теперь пришла моя очередь. В ту ночь над океаном было очень много шума с обеих сторон.

В конце концов, я слышу, как прибывают другие конкурсанты и расходятся по своим комнатам. Еще через час или около того все затихает, так как на следующий день нам всем рано вставать.

Что касается меня, то я лежу без сна и прикасаюсь кончиками пальцев к губам. Может быть, они все еще немного припухшие от поцелуев? Возможно, я выдаю желаемое за действительное, что он оставил на мне свой след. Но, клянусь, я все еще чувствую, как его мужские руки обхватывают меня, крепко прижимая к себе, в то время как его рот разрушает меня. Я все еще могу чувствовать его, пробовать на вкус, обонять. Вижу, как его сексуальные морщинки у глаз улыбаются мне. Я одновременно купаюсь в счастье и тону в потребности в большем.

Я закрываю глаза и жду, когда усталость овладеет мной, но этого никак не происходит.

По крайней мере, предполагаю, что этого не происходит до тех пор, пока не просыпаюсь от чьего-то присутствия на моей кровати.

— Дева Мария на тосте, что ты здесь делаешь? — Я стараюсь не кричать и не разбудить всех. Вероятно, безнадежное дело, поскольку в этом месте все отзывается эхом.

Я слышу смешок.

— Знакомлюсь поближе с моей маленькой психованной пироженкой.

Конечно же, это Филипп.

— С ума сошел? Это, должно быть, против правил.

— К черту правила, это мой дом. — Господи, помоги мне, почему, услышав его слова, я стала влажной?

— О боже, — выдыхаю дрожащим голосом.

Его толстые, грубые пальцы убирают волосы с моего уха. Его дыхание согревает меня в укромных местечках, совсем не рядом с тем местом, когда он шепчет:

— Но нам действительно нужно быть тише, любимая.

Я шепчу в ответ:

— Я не знаю, смогу ли быть тихой с тобой. Я так взволнована, что могу завизжать, как заколотый поросенок.

Он хихикает, затем игриво отчитывает меня.

— Занимательный образ. Что ж, мы не можешь этого допустить. Придется занять твой ротик.

Филипп снова целует меня, но не так, как раньше. Наши первые поцелуи были нежными, игривыми и волнующими. Этот поцелуй — поцелуй влюбленного, и он согревает меня повсюду. Мои щеки горят, сердце бешено колотится, а лоно трепещет. Его язык погружается в мой рот, борясь с моим, когда он притягивает меня на себя.

Вот оно, Хлоя. Это то, ради чего ты приехала.

Мы жадно целуемся, и я раздвигаю ноги, пока мои колени не касаются матраса по обе сторону от его бедер. Филипп, может, и крупный по сравнению со мной, но он так удобно помещается у меня между ног. Он стонет мне в рот, когда я делаю то, что получается само собой: прижимаюсь к этому постоянно удлиняющемуся стальному стержню, упирающемуся в мой таз.

— Притормози, дорогая, мы еще не готовы к этому.

— Да, да, я готова, — шепчу я. — *Мы* готовы.

— Тебе придется довериться мне. Другого слова для этого не подберешь, но сначала мне придется, эм, растянуть тебя.

Я киваю, хотя в темноте он этого не видит.

— Я знаю. Это есть в книгах и… других вещах.

Он хмыкает в притворном удивлении.

— О боже. Какие неприличные книги читала моя будущая жена?!

Когда он произносит фразу «моя будущая жена», это вызывает сотню реакций в моем теле. Влажное тепло между моих ног, несомненно, означает, что я готова, независимо от того, насколько большим он себя считает.

— Я подготовилась к… встрече с тобой. Я знала, что мне нужно будет знать, как… как принять тебя. И доставить тебе удовольствие. Я кое-что читала, а иногда смотрела порно. Изучение похабных комедий моих коллег тоже не помешало.

Это вызывает низкий гул в его груди, когда он обхватывает мое лицо. Даже лежа подо мной, он владеет моим телом своим страстным поцелуем.

— Хорошая девочка. И что ты смотришь?

Я кусаю губу, не ожидая этого допроса.

— Эм, ну, я не знаю. Мне нравится смотреть много разных вещей.

— И ты кончаешь, когда смотришь много разных вещей?

Я качаю головой.

— Нет. Никогда. Иногда я в таком отчаянии, что это просто случается. Иногда во сне. Но никогда даже не прикасалась к себе. Я хотела, чтобы ты был первым.

Он замирает подо мной, руки задерживаются на спине. Интересно, не слишком ли много я сказала? Неужели я действительно больная из-за того, что так много сдерживалась только ради этого единственного мужчины?

Следующее, что помню, — я под ним, так легко, будто он переворачивает блинчик.

— Крошка, — говорит он, шипя мне на ухо, обхватывая рукой шею. — Ты слишком высокого мнения обо мне.

Это невозможно.

— Ты недостаточно высокого мнения о себе.

— Если бы ты только знала, чего я хочу от тебя…

— Я хочу включить свет, чтобы видеть тебя, — шепчу я.

— Нет, — строго говорит он.

Строгость в его голосе заставляет меня дрожать от желания и нервозности. Я не могу удержаться от смешка.

— Но ты такой красивый, я хочу посмотреть на твое милое личико.

Он рычит и отстраняется от меня, заставляя меня захотеть дотянуться до него и заставить вернуться ко мне.

— Я не красивый и не милый.

Я чувствую, как его вес смещается на матрасе, когда он садится. Что бы я отдала за то, чтобы он полностью овладел мной прямо сейчас, сделал меня своей, наделал столько шума в этом похожем на пещеру пространстве.

Я сажусь рядом с ним и рассматриваю его в тени.

— Филипп Вайлдвуд, я изучала тебя в течение многих лет. Я могу с уверенностью сказать тебе, ты великолепен и под этой грубоватой внешностью скрывается милое, мягкое сердце.

Он хмыкает.

— Не обманывай себя. Здесь нет ничего мягкого.

Раздается звук удара кулаком в грудь. Я протягиваю руку и накрываю его ладонь своей, затем провожу ладонью по тому месту, где бьется его сердце, отодвигая отвороты его халата.

— Я чувствую его, — говорю я. — Оно бьется там.

— Оно билось ни для кого и ни для чего, пока ты не появилась в моем саду прошлым вечером.

— Скажи мне правду, Филипп. Почему *я* здесь? Почему *я* прошла?

Он сдвигается, поворачиваясь ко мне.

— Что ты имеешь в виду?

Фыркнув, я говорю:

— Да ладно. Я ужасный пекарь. Как я сюда попала?

— Держу пари, ослепительной улыбкой и настойчивостью.

— Прекрати, — говорю я. — Скажи правду, или я вышвырну тебя из этой постели. — Боже милостивый, не хочу выгонять этого мужчину из своей постели.

Он тяжело вздыхает и правда выходит наружу.

— Я видел твое видео с прослушивания. Я хотел с тобой познакомиться. Я убедился, что ты прошла. Я сказал им, не имеет значения, что было на твоей записи для прослушивания —

ты нужна нам в шоу.

Моя рука все еще лежит у него, Филипп обхватывает мое предплечье своей мускулистой ладонью. На секунду волнуюсь, что он собирается оттолкнуть меня, но вместо этого он сажает меня к себе на колени боком, как Санта Клаус. Он держит меня в своих больших медвежьих объятиях, в полной безопасности, его тепло проникает в меня. Я не знаю, как долго мы так сидим, уютно устроившись на горе роскошных подушек, целуясь, лаская друг друга и разговаривая, но я могу однозначно сказать — это лучшая ночь в моей жизни.

Мы целуемся так много, что теперь я точно знаю, что утром обнаружу распухшие губы. Наши руки исследуют столько, сколько можно исследовать, не снимая одежды. Впервые я чувствую, как мужская эрекция прижимается ко мне. Во всяком случае, с моего согласия. Я очарована и возбуждена, чувствуя, как он становится длиннее, толще и тверже каждый раз, когда я прижимаюсь к нему поверх пижамных штанов, но удивительно — и разочаровывающее — он отказывается продолжать этой ночью.

— Филипп, — ною я. — Пожалуйста. Я хочу, чтобы ты сорвал с меня пижаму и нафаршировал меня, как индейку на День Благодарения.

Он смеется, затем что-то ворчит и обхватывает ладонью мою грудь, поглаживая мой сосок, превращая его в твердый горошек через мою пижаму.

— Я предпочитаю рождественского гуся, а не индейку, любимая. А еще лучше, думай обо мне как о начинке для твоего сливочного рожка. Но не сегодня. Хочу, чтобы твой первый раз был особенным. Просто наберись терпения, осталось совсем чуть-чуть.

Глава 8

Филипп

Люди выглядят так, словно увидели привидение.

Но это всего лишь я. Я — признак эксперта по выпечке хлеба, а сегодня именно такой день.

Никому из этих конкурсантов лучше не демонстрировать ничего меньшего, чем совершенство, иначе наступит судный день.

За исключением Хлои. По ее собственному признанию, она с честью провалит этот раунд. У меня есть совершенно особый тип оценивания, ожидающий ее, и только.

Но с этим придется подождать до завтра, после дня торта.

Я подсчитываю в уме, что до этого еще тридцать часов. Боже милостивый, как продержусь так долго?

О чем я думал, заходя к ней в комнату прошлой ночью?

И теперь мой член угрожает уничтожить мои брюки, если я его не освобожу[1].

Я объясняю правила: каждый пекарь должен создать из своего хлеба трехмерное произведение искусства. Хлоя, конечно же, единственная, кто подпрыгивает от волнения на своем рабочем месте.

Сегодня на ней фартук в тонкую полоску с оборками, а волосы собраны в два пучка, скрепленных блестящими заколками. Ее укороченный топ в сочетании с очень короткой клетчатой юбкой делает ее намного моложе, чем она есть на самом деле. Она похожа на школьную секс-бомбу, просто чтобы усугубить для меня ситуацию. Она издевается надо мной из-за моих опасений по поводу нашей разницы в возрасте. Пока она работает, вижу мягкость ее бедер, чуть выступающих над поясом. Мне так сильно хочется вцепиться в эту плоть, перегнуть ее через рабочее место и взять сзади, что приходится прикусить язык. Сильно. Я в равной степени расстроен и раздражен. Если она хочет помучить человека в клетке, она делает это совершенно правильно.

Мне нужно прогуляться, чтобы остыть. Возможно, придется прыгнуть в озеро.

— Филипп! — кричит мне вслед режиссер и я знаю почему. Предполагается, что я буду готов представить «говорящей голове» видеоматериал о конкурсе и о том, чего я ожидаю. Для этого будет уйма времени после того, как получу некоторое облегчение.

Я стою под душем во второй раз за это утро, стиснув зубы, глаза закатываются, когда сжимаю свой член с мыслями о ней. Она довела меня до такого состояния. Ее образ в этом наряде и дурацкие хвостики доконали меня. Она прекрасно знает, что делает. Когда она наклонилась, чтобы включить духовку, широко раздвинув ноги для моего удобства, я смог увидеть всю промежность ее мокрых трусиков.

Кончать в одиночестве в душе — это совсем не то, но все же какое-то облегчение. Я не удовлетворен сейчас и не буду удовлетворен до тех пор, пока этот прелестный маленький лепесток не сядет верхом на мой член. Пока я не наполню ее своей спермой.

Я попросил ее быть сегодня хорошей девочкой и посмотрите, что она со мной сделала.

Я довел себя до оргазма и все еще не удовлетворен. Все, что вижу, — эти мягкие, пухлые губы. Я все еще чувствую их. Мое тело помнит каждый мягкий изгиб Хлои, прижатый ко мне.

Возьми себя в руки, мужик. Ты обещал ей, что ее первая ночь будет особенной, и, черт

возьми, лучше бы так и было. А теперь возвращайся на съемочную площадку и делай то, что должен.

Мне приходится сделать три дубля с режиссером, прежде чем ему понравится моя часть «говорящей головы». К счастью, я помню, зачем я здесь. Оставшиеся часы наблюдения за тем, как конкурсанты пекут хлеб, оказываются увлекательными. В конце концов, это то, чем мне нравится заниматься.

Вскоре аромат свежеиспеченного хлеба наполняет бальный зал, и я чувствую себя в своей стихии, проявляя особую осторожность и избегая любого физического контакта с Хлоей. Каждый раз, когда подхожу к ней, ее искра угрожает выдать нас.

Смешки с другого конца зала привлекают мое внимание к ней, несмотря на все мои усилия. Я оглядываюсь и вижу, как две конкурсантки собираются вокруг нее, о чем-то хихикая. Я отчаянно хочу знать, но, с другой стороны, может, и нет. Единственный участник мужского пола, похоже, стоит гораздо ближе к Хлое, чем мне хотелось бы. Прежде чем успеваю остановить себя, я сокращаю расстояние и встаю плечом между ним и Хлоей.

Своим самым профессиональным тоном говорю ему:

— Так рад, что все, кажется, закончили со своим хлебом. Вы привели в порядок свои рабочие места?

Он бросает на меня виноватый взгляд и принимается за работу, счищая слой муки со своей столешницы.

— Это была необходимо? — шепчет Хлоя у меня за спиной.

Оглянувшись через плечо, тихо отвечаю:

— Да, если я собираюсь держать тебя в узде.

Хлоя придвигается ближе, просовывая руку между моей рукой и торсом и роняет посуду в раковину. Ее дыхание согревает мне шею, когда шепчет:

— Да, *папочка*.

О боже, она получит за это.

[1]*(примеч. отсылка к фильму мальчике Джесси и косатке по кличке Вилли «Освободите Вилли/ Free Willy», так как на сленге willy — член)*.

Глава 9

Хлоя

— Что… это?

Пришло время судить, и Филипп недоверчиво смотрит на мое творение.

— Думаю, это очевидно.

Филипп и Джорджианна разинули рты при виде тринадцатидюймового багета, торчащего прямо из основы двух больших булочек.

— Серьезно? — спрашивает меня Филипп.

Джорджианна склоняет голову набок.

— Я не понимаю. Это абстракция? Перевернутое дерево или что-то в этом роде?

— Это мое лучшее предположение о пенисе Филиппа, мэм.

Я краснею как свекла, несмотря на свою наглость. Филипп выглядит так, словно вот-вот слетит с катушек.

— Твое… лучшее предположение, — говорит он, и голубые радужки его глаз темнеют. Я облизываю губы и смотрю прямо на него.

Лучшее предположение, это ж надо такое сказать! Я точно знаю, насколько он велик, и я тщательно изучила каждый выступ, изучая его в темноте.

— Да, сэр.

Его ноздри раздуваются. Брови сходятся на переносице. О, я сделала это! Филипп в ярости. И я дрожу в предвкушении того, что он может сделать.

Слава богу, я последняя, у остальных он уже попробовал.

— Тогда давайте сделаем это.

Он морщится, когда его соведущая осторожно разрезает основу и протягивает ему кусочек.

— Может, вы хотите сначала попробовать кончик? — предлагаю я.

Другие участники хихикают, не в силах больше сдерживаться.

Джорджианна кажется невозмутимой и от этого она нравится мне еще больше.

Меня почти не волнует, что думают другие, кроме Филиппа. Я хотела посмотреть, смогу ли вывести его из себя. Судя по румянцу над его неряшливым, застегнутым на все пуговицы воротником и выпуклостью на брюках, я бы сказала, что мне это удалось.

Зрительный контакт между мной и Филиппом продолжается на протяжении всей дегустации, но все, что я слышу, *это «немного суховато, немного передержано».*

О боже мой, он в ярости.

Я лениво возвращаюсь к своему рабочему месту, преувеличенно покачивая бедрами, и жду объявления победителя. Конечно же, светящаяся карусель из хлеба с добавлением шафрана. Я улыбаюсь участнице по имени Дейзи, думая: «*Выпендрежница*».

— Извини, ты не следовала инструкциям, да? — говорит мне другая участница, когда мы прибираемся после съемок. Ухмыляясь про себя, я думаю, что инструкции интересуют меня меньше, чем боксеры Филиппа.

Я не замечаю, как Филипп подкрадывается ко мне, пока продолжаю накручивать себя. Не замечаю даже тогда, пока он почти не оказывается на мне. Я подпрыгиваю, когда его голос грохочет мне на ухо:

— Восточное крыло. Пройдешь по коридору второго этажа в мои личные покои. Сейчас

же.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него и шепчу:

— Я пропустила ознакомительную экскурсию, помнишь? Я не знаю, где это!

Он разочарованно хмыкает.

— Женщина, ты доведешь меня до смерти.

Я едва ли понимаю, чего он ожидает, быстро заканчиваю прибираться на своем месте и направляюсь в восточном направлении, подальше от гостевых покоев.

Филипп ждет меня в темном углу и с горящими глазами тянет в укромный уголок.

— Я не была уверена, что ты имел в виду, говоря, что мой первый раз должен быть особенным, но, если хочешь секса в коридоре, давай сделаем это, большой мальчик.

Он резко разворачивает меня лицом к себе, его челюсть сжимается, глаза сверкают.

— Не могла бы ты просто… просто…

Бедняга потерял дар речи. Ох, милый. Что я наделала?

— Просто… помолчи. — Он прижимается своим ртом к моему. Аллилуйя. Наконец-то. Это был долгий день.

Его поцелуй вызывает во мне страсть, разочарование и голод. Его рот и язык заявляют на меня права; его пальцы владеют мной, впиваясь в мои бедра. Легкий укол боли усиливает мое вожделение к этому разъяренному, возбужденному мужчине. Я пытаюсь поцеловать его в ответ, но он не позволяет мне. Он хочет одолеть, забрать, насытиться вместе со мной. От того, как Филипп обрушивает свою силу на мое маленькое тельце, я могла бы прогнуться назад под силой его поцелуя и умолять о большем.

Внезапно он останавливается и тянет меня за собой по коридору.

— Куда мы направляемся?

— Мы идем туда, куда отправляют плохих девочек.

Твою ж мать.

Он открывает тяжелую деревянную дверь, быстро втаскивает меня внутрь, затем поворачивается и запирает за собой дверь. Он уже закатывает рукава рубашки, показывая мускулистые предплечья, когда поворачивается ко мне лицом.

— Выбери паддл.

Я следую за его взглядом к ряду предметов, похожих на ракетки для настольного тенниса, выстроенных в ряд на диване.

— Что?

— Это то, что мне нужно прямо сейчас. То, о чем я пытался рассказать тебе прошлой ночью. Если не можешь справиться с этим…

Меня осеняет.

— О!

Вена у него на лбу подсказывает мне, что я не должна тратить время на вопросы. Я изучаю набор паддлов. Некоторые из них кожаные. У некоторых перья.

— Меня отшлепают?

— Только если ты согласишься.

— Будет больно?

— Только если ты этого захочешь.

— Здесь?

Он отвечает на дополнительные вопросы, и я соглашаюсь. Я доверяю ему.

— Выбирай сам, — говорю я.

— Очень хорошо. Мы начнем с малого. — Филипп берет паддл с розовой ручкой.

— Наклонись и задери юбку.

Я делаю глубокий вдох.

— А потом… кровать?

— Нет, — отвечает он. — Прямо сейчас все, что я хочу сделать, — это трахнуть тебя. Это совсем другое. Но я не собираюсь трахать тебя или заниматься с тобой любовью, пока это проклятое соревнование не закончится.

— Тогда почему?

— Потому что сегодня ты была непослушной девочкой.

— Прости, папочка.

Филипп гладит меня по волосам и говорит:

— У тебя на щеке осталось немного муки.

— Думаю, я немного грязная. Что ты собираешься со мной делать?

Рычание, исходящее из глубины его груди, кажется, заставляет вибрировать всю комнату, и я чувствую это между своих бедер. Его голос низкий и смертельно тихий.

— Наклонись. Подними эту юбку. И держи руки на диване.

— Да, сэр, — отвечаю, прерывисто дыша.

Я делаю, как он велит, наклоняюсь и задираю плиссированную юбку. Воздух холодит мою обнаженную плоть.

Филипп выпаливает проклятие, когда видит, что находится под юбкой.

— Что случилось с твоими гребаными трусиками?!

Мои ладони потеют, когда хватаюсь за кожаный диван и смотрю на него через плечо.

— Глупышка. Должно быть я сняла их где-то по дороге.

— Хлоя. Разве твоя мама никогда не говорила тебе не играть с огнем?

Он сжимает ручку деревянного паддла так, что белеют костяшки.

— Конечно, дорогой, — отвечаю я, подражая его акценту.

Паддл со стуком падает на пол, эхом отражаясь от стен. Наконец, он сдается.

Удар!

Прикосновение его ладони к моему мясистому заду застает меня врасплох, и я вскрикиваю от удивления.

— О! — Легкая боль переходит в теплые покалывания. — Не паддлом?

— Иногда единственное, что может обозначить мою точку зрения… — Удар! Еще один легкий укол, за которым последовало еще больше покалываний удовольствия, распространяющихся по моей обнаженной коже. — Моя рука.

Я опускаю лоб на руки, переводя дыхание и решая, нравится ли мне. Судя по реакции моего тела? О, боже! Да, да, мне действительно нравится небольшая порка. Кто бы мог подумать?

Я снова поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, на этот раз притворяясь, что у меня есть хвост и виляю задницей.

— Я не знаю, сладкий. Я могу придумать другие части тела, которые, возможно, хотели бы указать свою точку зрения.

Удар! Удар! Филипп шлепает меня дважды, быстро, по одному разу по каждой ягодице.

— Грязная девчонка.

На этот раз покалывания проходят быстрее и что-то странное, и приятное начинает сжимать мои внутренности. Мои соски твердеют и жаждут освободиться от этой одежды;

губы жаждут поцелуев; моя киска умоляет, чтобы ее наполнили. В уголке глаза появляется слеза, но это не от боли. Это пытка от того, что он еще не предъявил на меня свои права.

Мое тело, как оказалось, обожает пытки. Я могу сказать это по тому, как поджимаются пальцы на ногах, и волна удовольствия поднимается внутри меня.

— Филипп, я…

Тело Филиппа быстро накрывает меня сзади. Я все еще держусь за спинку дивана и его прерывистое дыхание касается моего уха.

— Здесь, в комнате для порки. Ты. Обращаешься. Ко. Мне. Папочка.

Его грудь прижимается к моей спине, его руки поверх моих, его ноги касаются задней поверхности моих бедер, а его пах прижимается к моей киске, все это подталкивает меня ближе к краю. Я едва могу соображать, не говоря уже о том, чтобы говорить.

— Я… — Я сглатываю. — Папочка, я… мне жаль, но, кажется, я вот-вот кончу.

— Подожди, — низким и хриплым голосом произносит он мне на ухо.

О, боже, это не помогает мне сдерживаться.

— Это… это слишком. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, перестань мучить меня, папочка. Я обещаю, что буду хорошо себя вести.

Со злобным, разочарованным рычанием он приказывает мне раздвинуть ноги. Когда делаю это, меня охватывает совершенно новое ощущение. Его пальцы скользят в мои влажные складочки, а его большая рука ласкает меня, скользя по моей влажности. Новизна всего этого, жадность, влажные звуки, его стоны, которые вибрируют во мне… это гораздо больше, чем могут вынести мои разум и тело.

И все же не могу контролировать свой острый язычок.

— Видишь, я же говорила тебе, что моя киска готова для тебя, папочка.

— Блядь, — снова восклицает он. Эрудированный англичанин затрудняется подобрать правильную речь! Неожиданно он погружает один палец в мой вход и двигает им по кругу.

— Ох! — кричу я.

— Хорошо? — спрашивает он все так же хрипло и сексуально.

Я хнычу.

— Мхм, — теперь я уже в точке невозврата, когда стеночки моей киски сжимаются вокруг его толстого пальца. Больше. Я хочу больше и глубже. Мне это нужно. Прошлой ночью он почти был у меня в руках, почему я не могу получить его сейчас?

Я плачу настоящими слезами, когда он вынимает палец из моего влагалища и, слегка коснувшись моего клитора, полностью сталкивает меня с обрыва. Волны освобождения накатывают на меня, и это так сильно, что я могу потерять сознание.

У меня действительно подгибаются колени, но Филипп держит меня.

Я содрогаюсь от оргазма, волна за волной накатывающего на меня, пока он продолжает ласкать мою киску.

Когда он решает, что с меня хватит, Филипп усаживает меня на диван. Когда оказываюсь у него на коленях, его рука остается у меня между ног, массируя мои бедра. Это прикосновение вызывает у меня еще два, три непроизвольных спазма удовольствия.

Наконец, его целительный поцелуй на моих губах возвращает мне связность мыслей.

— Все в порядке, любимая?

Я киваю.

— Да, папочка, — выдыхаю я, содрогаясь.

— Ты можешь стоять? Вставай, давай посмотрим на красную попку.

Я, конечно, повинуюсь и позволяю ему задрать мою юбку. Он цыкает.

— Я оставил что-то вроде отпечатка руки, не так ли? Мне поцеловать его для тебя?

Я просто киваю, ошеломленная его внезапной переменой от властного к заботливому. Он целует мои ягодицы одну за другой, затем нежно растирает красные пятна.

— Я причинил тебе боль?

Я поворачиваюсь и обвиваю руками его шею.

— Нет, вовсе нет. Я знаю, ты бы никогда этого не сделал.

Он смеется и эти вибрации согревают меня сильнее всего.

— Иди сюда, — говорит он, притягивая меня ближе, так что я оказываюсь у него на коленях. Филипп покрывает поцелуями мое лицо, поправляя мою одежду. Его руки повсюду, он растирает мои руки и ноги. Я чувствую себя драгоценной в его объятиях. Я знала. Я всегда знала, что он замечательный, но и понятия не имела, насколько чудесно он может заставить меня чувствовать себя.

— Сейчас, папочка? Сейчас я могу получить свой подарок? — Я провожу рукой по его груди и опускаю ему на промежность. Твердый кремовый рожок всегда наготове, я даже не знаю, каково было бы чувствовать его вялым.

— Завтра, — шепчет Филипп мне на ухо.

Я скулю и прижимаюсь к его телу, мои слова заглушаются его рубашкой.

— Почему не сейчас?

— Не сейчас, нет. Перестань. Нужно поберечь силы для дня торта.

Глава 10

Филипп

Джейми, режиссер, машет в воздухе своим планшетом для бумаг, выглядя так, словно в любой момент может уйти со съемочной площадки.

— Ты должен взять ситуацию под контроль.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал спокойно и размеренно.

— Ситуация под контролем.

Джейми угрожающе указывает на меня, но один быстрый изгиб моей брови дает ему понять, что я не одобряю, когда люди указывают на меня пальцами.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что это похоже на фаворитизм.

Это обвинение впервые за долгое время заставляет меня от души рассмеяться. Нет, подождите. На днях Хлоя заставила меня от души посмеяться в лифте.

— Джейми, как, черт возьми, это может выглядеть как фаворитизм, когда у нее нет никаких шансов на победу?

Джорджианна прочищает горло.

— И возникает еще один вопрос. Как она сюда попала?

Джейми и Джорджианна вопросительно смотрят на меня. Теперь у меня есть выбор. Я мог бы обвинить в этом помощников продюсера, сказать, что они каким-то образом позволили ей ускользнуть из-под контроля или, что еще хуже, решили использовать ее в качестве комика. Любое из этих объяснений привело бы к тому, что кого-то уволили бы. Я не могу этого допустить.

Поэтому говорю правду.

— Из-за меня.

Джорджианна прищуривается, будто не совсем понимает. У Джейми отвисает челюсть, и он указывает на меня своим планшетом. Я бы хотел, чтобы он прекратил это делать.

— Ты все это спланировал?

Джорджианна фыркает.

— Что значит «спланировал»?

Я скрещиваю руки на груди и больше не произношу ни слова.

Джейми умный человек, он сможет ей это объяснить.

— По сути, то, о чем мы здесь говорим — прослушивание на диване. Она проложила себе путь в шоу через постель.

Подождите.

Как раз в этот момент подходит исполнительный продюсер Харлоу, выглядящая взволнованной. Ее лицо вытягивается, когда она видит, что двое других потрясены и расстроены.

— О, что происходит, люди? К чему я только что присоединилась?

Контролируя себя из-за того, что моя Хлоя *«проложила себе путь на вершину через постель»*, я спокойно объясняю ситуацию.

Джейми раздраженно размахивает руками.

— А между тем, ты мог бы выложить часть этих денег из своей собственной задницы, чтобы привести ее сюда для себя, вместо того чтобы вовлекать в шоу! В чем причина того, что ты не дал возможности кому-то с истинным талантом?

Харлоу взмахивает своими наманикюренными руками в воздухе.

— О, успокойтесь. Я просто пришла сказать вам, что я просмотрела некоторые кадры в монтажной, и мне показалось, что это самый веселый эпизод за всю историю. Мы хотим растянуть его еще как минимум на три-четыре эпизода. Черт возьми, нет никаких причин, по которым мы не можем продержаться целый сезон. Исключать людей. Это будет потрясающе.

Волнение Харлоу по поводу моих преднамеренных манипуляций зашло слишком далеко. Я не могу ждать ни дня, чтобы побыть с Хлоей наедине.

— Нет. Я не собираюсь подвергать Хлою исключению. Это уже слишком. Я отказываюсь.

Исполнительный продюсер обдумывает мои слова. Мгновение мы смотрим друг на друга в молчаливом противостоянии.

Наконец, Харлоу пожимает плечами.

— Отлично. Все, что делает тебя счастливым, Филипп. Людям уже нравится этот эпизод, так что мы можем снять весь американский сезон в следующем году, если захочешь. Считай это пробным запуском.

Я киваю.

— Что сделало бы меня счастливым, так это завершение этой чертовой съемки.

Глава 11

Хлоя

Мы уже наполовину закончили конкурс по приготовлению тортов, а я до сих пор нигде не видела Филиппа. Боже, надеюсь, его не уволили из-за меня. Я бы никогда себе это не простила.

Между тем, весь этот стресс заставляет меня кое о чем забывать. Осталось всего три часа на приготовление великолепного трехъярусного торта, воплощающего наши мечты, а у меня еще даже тесто не готово. У всех остальных коржи уже в духовке.

Внезапно Филипп входит в бальный зал, как будто ничего не случилось. Его присутствие действительно придает мне уверенности, и я могу вспомнить все, что должна делать. Наконец ставлю коржи в духовку и приступаю к приготовлению глазури.

Это самая простая часть, потому что все будет белым.

К тому времени, как раздается звуковой сигнал, я как раз размещаю имбирные печенья в виде жениха и невесты наверху торта. У невесты длинные каштановые волосы и зеленые глаза, как у меня; у жениха серебристые волосы с блеском и льдисто-голубые глаза, а в руках он держит скалку. В руках невесты маленькая любовная записка, сделанную из съедобной бумаги, со специальным посланием.

Начинается судейство, и, конечно же, я — самая последняя. Все знают, что Дейзи победит. На ее библиотечном торте книга с золотым тиснением, еще она даже вылепила крошечную съедобную лестницу на колесиках.

Когда, наконец, подходит моя очередь, мой торт оказывается таким тяжелым, что один из помощников продюсера предлагает помочь мне донести его до судейского стола.

— И что же у нас тут? — Филипп задает этот вопрос так, будто еще не знает.

— Это мой свадебный торт. В нем заключены все мои надежды и мечты.

Джорджианна выглядит так, словно готова уплетать за обе щеки.

— Боже мой, ты определенно изменила курс и улучшила свои навыки оформления. Это имбирный пряник? — Она тянется к невесте, и я понимаю, что все идет так, как планировалось.

— Подождите! — восклицаю я, но Джорджианна уже откусывает печенье, а Филипп отрезает каждому по кусочку торта.

Джорджианна пробует второй кусочек, и тут крошечная любовная записка выпадает из рук невесты и падает на стол.

— Что это? — спрашивает она.

— Это для Филиппа! — выпаливаю я.

Филипп косится на меня, но я вижу, как игриво изгибаются его нахмуренные губы. Он ничего не может с собой поделать. Он собирается улыбнуться на камеру.

— Для меня? — спрашивает он.

Он берет крошечный листочек бумаги и разворачивает его.

— Теперь из-за тебя я выгляжу старым, мне придется надевать очки для чтения.

— Упс, — говорю я, прикрывая рот рукой. Принесет ли это недоразумение мне позже порку? Боже мой, надеюсь — да. Я уже чувствую тепло и покалывание ниже талии.

Надев очки, Филипп читает записку.

— Филипп, ты женишься на мне?

Я слышу, как некоторые конкурсантки издают шокированные звуки. Другие настолько недовольны мной и моим стремлением к этому мужчине, что стонут. Но я не обращаю никакого внимания ни на чью реакцию, кроме реакции Филиппа.

— Что это, съедобные бумага и чернила?

— Да, папочка. То есть… Да, д-да, сэр.

Я наполовину слепну от смущения из-за своей оговорки. Люди хихикают. Даже растерянная Джорджианна наконец-то начинает понимать.

— Боже, какая же ты дерзкая.

Филипп машет передо мной запиской.

— Теперь я должен отшлепать тебя за это, дорогая. Потому что должен был первым сделать предложение.

— Да, папочка.

Джорджианна ахает, наконец-то до нее доходит. Люди вокруг нас издают всевозможные звуки, но я не знаю, на нашей ли они стороне или нет. И мне все равно.

Филипп лезет в карман своего костюма, но потом передумывает и хватает меня за руку.

— Нет. Не здесь. Пойдем.

Мы выходим из бального зала и почти бегом спускаемся по парадной лестнице, направляясь через заднюю дверь прямо в розарий. Небо серое, собираются тучи, но все, что чувствую своим сердцем, — это солнечный свет.

К моему удивлению, он ведет меня к тому самому месту, где нашел три дня назад. Только на этот раз начинается дождь. Потому что это Англия.

Филипп опускается на одно колено в своем прекрасном костюме и достает маленькую синюю коробочку.

Я даже не вижу, что внутри, только размытое серебристо-розовое пятно.

— Я пошутил, любимая. Я счастлив, что ты спросила. А теперь, ты выйдешь за меня замуж?

Во-первых, у меня дрожат руки. Весь мой мир меняется у меня на глазах. Как и в прошлый раз, когда я стояла в этом саду, у меня подгибаются колени. И, как и в прошлый раз, Филипп ловит меня.

Он заключает в крепкие объятия, и мы со смехом валимся на землю.

Смех переходит в поцелуи, поцелуи становятся все более интенсивными по мере того, как нас орошает нежный дождик.

Прежде, чем все зайдет слишком далеко, я обрываю наш поцелуй, чтобы напомнить ему, что он портит свой костюм.

— К черту, у меня полный шкаф костюмов.

— Филипп. Это очень расточительно.

— Может быть, ты сможешь мне с этим помочь, — говорит он.

— Конечно.

— О, и еще, ты никуда не уедешь. Мы поженимся как можно скорее.

— Да, Филипп, так скоро, как смогу привести сюда свою семью.

Дождь усиливается, заливая его дорогой костюм и рубашку. Я наклоняюсь и вытираю капли дождя с его лица, он снова притягивает меня для поцелуя.

— Сколько их?

— Четыре сестры и родители.

— Четыре сестры! Похоже, у меня проблемы.

— Да, это точно, сэр!

— Мне все равно, привези сюда хоть сотню человек на свадьбу. Это гребаный замок.

Я киваю.

— Я могла бы добавить, что это пустой замок без ковров, занавесок и чего-то еще.

— Ты поможешь мне и с этим тоже?

Я кивнула, рассмеявшись.

— И ты поможешь наполнить этот замок малышами?

Все мое тело взрывается от радости.

— Да, — говорю я.

— Я имею в виду, я хочу начать прямо сейчас.

Усиливаются дождь и ветер, и мои волосы промокают насквозь.

— Филипп, я хотела иметь от тебя детей с тех пор, как впервые увидела твое лицо в своей гостиной по телевизору, когда мне было семнадцать.

— Но у меня есть условие, — говорит он, выгибая бровь.

— Все, что угодно.

— Я хочу, чтобы ты была хорошей девочкой.

— Да, папочка. Мы можем начать прямо сейчас?

— Я хочу, чтобы ты слушала, когда буду давать тебе указания.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— И еще, Хлоя?! Ты никогда больше не должна прикасаться к другой плите или духовке!

Я смеюсь и потираюсь о него, толкая в грязь.

— О, боже мой, папочка, не начинай грязных разговоров, я скоро кончу!

Он обхватывает своими мощными руками мою задницу и крепко сжимает. Я вскрикиваю от удивления и снова начинаю смеяться.

— Я люблю тебя, дорогая.

— Я тоже тебя люблю. И я готова к единственному тесту, о котором я когда-либо думала.

Судя по выражению его лица и по хватке пальцев, сжимающих мое платье, такое ощущение, что нам не удастся остановиться достаточно надолго, чтобы укрыться от дождя.

Я так обезумела от похоти, что мне все равно.

Если ему придется лишать меня девственности под дождем, так тому и быть.

Глава 12

Филипп

В этом мире нет ничего лучше, чем целовать мою Хлою под дождем.

Я никогда не перестану целовать или гладить мою Хлою, ни из-за погоды, ни, конечно же, ради соблюдения общественного приличия. Кроме того, никто не будет прогуливаться по розовому саду в такую погоду. Вероятнее всего.

— Да. Сейчас, — говорю я. — Я не продержусь больше ни секунды, моя маленькая булочка с корицей.

Дождь льет все сильнее. Хлоя прищуривается и снова прижимается ко мне тазом.

Все не так, как я хотел. Я не планировал, что момент необузданной страсти приведет нас обоих в неистовство из спутанных волос, испорченной одежды и мокрой кожи. По крайней мере, не раньше, чем очаровать ее комнатой для порки с сотней зажженных свечей вокруг огромной кровати с балдахином, усыпанной лепестками роз и плейлистом с ее любимой музыкой.

Отложим это на время. Все, что имеет значение, — это Хлоя. Здесь. Сейчас.

Мы целуемся до тех пор, пока у нас не начинают болеть губы, что, похоже, входит в привычку. Когда дождь по-настоящему начинает хлестать по нам, я быстро подтягиваю ее под себя, занимая свое место между ее ног. Мы лихорадочно освобождаем мой ноющий член из его темницы. Ее милые ручки обхватывают его, вызывая у меня одобрительный возглас. Ее прикосновения слишком мягкие, слишком робкие, поэтому погружаю свой язык в ее рот, в то время как ее руки водят вверх и вниз по моему члену. В этот момент в меня может ударить молния, но мне все равно, потому что не могу представить себе ничего более восхитительно электрического, чем ее прикосновение.

Охваченный страстью, я грубо раздвигаю ноги Хлои. Приходить ко мне без трусиков, похоже, стало ее злой шуткой. Я показываю ей, насколько искренне одобряю эту привычку ходить без трусиков, быстро вводя головку своего члена в ее влажное тепло. Все это время ее руки судорожно ищут что-нибудь; глаза дикие, зубы впиваются в губы.

— Расслабься, любовь моя, — шепчу ей в мокрую щеку. — Держись за меня, если тебе нужно за что-то держаться. Держись за меня и дыши.

Она отвечает на мой поцелуй, я чувствую, как ее напряжение отступает. Я понемногу погружаю в нее свой член, затем делаю паузу, чтобы понаблюдать за реакцией, когда растягиваю ее.

Ее стеночки подстраиваются под мой размер, и я вдавливаюсь сильнее.

— Еще, еще, — скулит она, выгибая бедра.

Наконец, я избавляюсь от того, что осталось от ее девственности и она полностью становится моей. Она хмурится от кратковременного укола боли, а затем напряженное выражение лица сменяется облегчением. Мое тело содрогается от совершенства, от экстаза, от ее тугого входа.

— У тебя есть я. Я вся твоя, — говорит она.

Я баюкаю ее в своих объятиях и толкаюсь глубоко и решительно. Она — мой дом и ничей больше!

— Правильно, малышка. Теперь ты принадлежишь мне. Ты моя, — рычу я.

Дождь стучит мне в спину, усиливая нашу страсть. Моя Хлоя прижимается ко мне, ее

ноги требуют, чтобы я двигался внутри нее, наполняя, заявляя на нее права.

То, как ее глаза не отрываются от моих, пока я двигаюсь в ней, — заходит за рамки. Почти. Ее незащищенная душа разрушает всю мою защиту. Эта женщина погубила меня. Она видит меня насквозь, возможно, всегда была, как она и говорит.

— Все в порядке, любимая?

Она кивает, обхватывает мое лицо и целует, пока наши тела прижимаются друг к другу.

Теперь, привыкнув к моему размеру, Хлоя обхватывает лодыжками мою поясницу, требуя, чтобы я двигался глубже, яростнее, быстрее. Моя жена любит это так же сильно, как и я, любит меня так же, как я люблю ее. Я совершенно очарован ее милой душой и никогда не выпущу ее из виду. Все верно, я называю ее своей женой, потому что так оно и есть, и мне не нужно ждать, пока появится листок бумаги, чтобы сделать это официально.

Кончая глубоко внутри нее, содрогаясь в бешенном экстазе, я выкрикиваю ее имя. Я пульсирую в ней, отмечая свою женщину. Владея своей *женой*.

— Черт! — кричу я, когда вокруг нас грохочет гром.

Я не останавливаюсь, пока она не принимает меня до последней капли, и оба полностью не удовлетворены. Только тогда полностью осознаю опасность. Как бы сильно я ни хотел сделать еще сотню раундов того, что мы только что сделали, я вполне уверен, где-то поблизости упало дерево, так что, если сию секунду не уберу свою девочку из-под дождя, мы оба можем погибнуть.

Какой бы красивой была наша смерть.

Глава 13

Хлоя

Солнечные лучи и щебетание птичек будят на следующий день, а также страстный язычок, нежно дразнящий меня между ног.

Улыбка появляется на губах, когда я понимаю, что просыпаюсь с мужчиной в своей постели.

«Больше не придется просыпаться в одиночестве», — удовлетворенно думаю я.

Следующий факт, который осознаю, просыпаясь, — я лежу в постели Филиппа… нашей постели.

Прошлой ночью, во время ливня в розовом саду, Филипп осуществил все мои мечты, намного превосходящие то, как я представляла себе свой первый раз. И теперь мой будущий муж дарит мне еще один первый раз.

Я приподнимаю простыню и смотрю вниз на свое тело. Я ахаю. Наблюдать за этим наяву в десять раз эротичнее, чем в моем воображении.

Он прекращает свои манипуляции и поднимает на меня взгляд.

— Доброе утро, крошка. — Он подмигивает мне, находясь между моих бедер. Поскольку этот мужчина никогда не упускает возможности шокировать, его мужские руки широко раздвигают мои бедра, и он погружает один палец в меня. Я ошеломленно наблюдаю за тем, как он вытаскивает из меня палец и отправляет в рот.

— О… боже, — выдыхаю я.

— Твоя выпечка не самая лучшая, но, с другой стороны, твои сливки… Лучший приз! Лучшие на шоу, дорогая.

Я могла бы обидеться, но нет. Я уже говорила именно это о своей выпечке, так что мне все равно.

Как я могу возмущаться, когда разносторонне одаренный рот этого мужчины в настоящее время доставляет мне удовольствие всей моей жизни?

Теперь, когда я проснулась, он ублажает меня с гораздо большим удовольствием. Я ценю, что он осторожно разбудил меня, но теперь это не имеет никакого значения. Жар и желание, исходящие от его дерзкого языка, вызывают дрожь по всему телу. Мои бедра непроизвольно выгибаются навстречу его лицу. Знает ли этот необыкновенный, замечательный мужчина, что он собирается сделать из меня неутолимого маньяка?

Теплые облизывания, нежные покусывания и ласкающие губы доставляют мне удовольствие так быстро и так горячо, что я едва могу подобрать слова. Но я должна попытаться.

— Знаешь, ты создаешь ужасный прецедент. Я собираюсь потребовать, чтобы ты будил меня вот так каждое утро.

Развратный звук, издаваемый его ртом, на мгновение прекращается; он снова поднимает на меня взгляд, его лицо блестит от моей влаги. Я почти не могу справиться с тем, как сильно это заставляет мои пальцы ног скручиваться от шока и возбуждения.

— Справедливый обмен. Я принесу хлеб, а ты откроешь коробочку.

Я ахаю.

— Ты грязный, порочный мужчина. Я должна перекинуть тебя через свое колено и… о боже мой… Филипп, что ты… о боже…

Я впадаю в невербальный ступор, потому что он сделал это сейчас. Втянул мой клитор в рот и заставил мое тело отреагировать внезапным, мощным, ошеломляющим оргазмом. Я кричу и вздрагиваю, чувствуя, что могу взлететь с кровати.

Мои крики затихают, когда освобождаюсь, мое тело пульсирует, низвергаясь каскадом в блаженное небытие.

Его греховный рот не смягчается, толкая меня вперед, пока я не кончаю так сильно, так много раз, что боюсь, что могу сломаться, а моя душа может улететь прочь.

Филипп, может, и злой мальчик, но его забота обо мне так же безудержна, как и его выпечка.

Он здесь, чтобы подхватить меня, когда я вернусь в реальный мир.

— Спасибо, моя дорогая, моя сладкая Хлоя.

— Хм? — Глаза закрываются, когда он нежно переворачивает меня на бок и ложится сзади, покрывая поцелуями мою шею и плечо.

— Ты настоящий разрушающий шар из радуги, благодарю за это.

Я чувствую, что вздремнуть сейчас было бы неплохо. Мы можем спланировать свадьбу позже.

— О, подожди, — говорю я, поворачиваясь к нему и позволяя его губам поймать меня в поцелуе. — Я так и не узнала, каким получился мой торт. Я победила?

Он улыбается и подмигивает мне.

— Он был идеален. Ты победила.

Я хихикаю.

— Нет, это неправда.

Он тоже смеется и качает головой.

— Нет, ты права. Но не волнуйся. Думаю, ты получила то, за чем приехала сюда.

О да, так и есть!

Эпилог

Хлоя

Пять лет спустя…

— Съешь немного Рождественского кекса.

Я смеюсь, потому что он, должно быть, шутит. Я видела, как готовится этот фруктовый кекс, и, на мой взгляд, он выглядит совсем неаппетитно. Филипп, мой любящий муж-пекарь, каждое рождественское утро делает особенным, предлагая множество сладостей, которыми я могу наслаждаться, пока мы наблюдаем, как дети разворачивают подарки. Фруктовый и острый рождественский кекс — единственное, что, на мой взгляд, выглядит непривлекательно. Он готовит его каждый год и каждый год я отказываюсь.

— Нет, спасибо.

Он снова и снова объясняет мне, что это рождественская семейная традиция.

Мне все равно. Я не буду есть этот наполненный бренди кусок дерьма, который выглядит как гнилое бревно.

— Я настаиваю, чтобы ты хотя бы попробовала его.

Он отхлебывает чай, в то время как дети суетятся вокруг рождественской елки, визжа из-за своих новых подарков. Кэти и Руфус уже запускают новую видеоигру. Мои родители, сестры и шурин толпятся вокруг, восхищаясь своими подарками, наслаждаясь кофе и небрежно смотрят праздничный фильм. Папа продолжает просить пересмотреть мой эпизод в кулинарном шоу Филиппа, но мои сестры продолжают отвергать эту идею. Насколько понимаю, американский эпизод остается одним из самых пересматриваемых эпизодов шоу за всю историю. Однако моим самым большим достижением в интернете стало создание гиф-файла. Экранная реакция Филиппа на мое печально известное багетное творение, но я чувствую, что этим можно гордиться.

Что касается моей комедийной карьеры, то она продвигается немного лучше, в отличие от выпечки. Не буду врать, мои связи с популярным шоу открыли для меня множество дверей в лондонских комедийных клубах. Моя «плотная пятерка» превратилась в полноценный сорокаминутный сет — как могло быть иначе, когда я живу с таким великолепным исходным материалом? Конечно, у меня строгие инструкции не говорить о Филиппе в моем стендапе, но попробуйте рассказать об этом продюсерам из стримингового сервиса, которые хотят спродюсировать мою программу. Однако каждый раз, когда я нарушаю строгие инструкции Филиппа каким-нибудь добродушным подшучиванием, мне приходится идти в комнату для порки. Так что, очевидно, я много шучу по поводу Филиппа.

В данный момент насчет рождественского кекса я абсолютно серьезна. Выпятив подбородок, я снова отказываюсь.

— Я сказала «нет», спасибо, сладкий.

— И какой это пример для наших детей? — Он наклоняется и ставит чашку с чаем на кофейный столик.

Я выгибаю бровь, глядя на него.

— Сегодня они не обращают на нас никакого внимания, особенно после того, как ты осыпал их подарками.

Он закатывает рукава халата медленно и обдуманно, открывая мне массивные предплечья, словно вылепленные из теста, которое он месил всю жизнь. Упершись локтями

в колени, он бросает на меня свой самый суровый взгляд, который до сих пор заставляет веки пекарей-любителей нервно подергиваться. Я знаю, что будет дальше.

— Послушай, ты попробуешь этот фруктовый кекс или будешь страдать от последствий.

Я знаю, что он делает, но не собираюсь ему подыгрывать. По крайней мере, не совсем так, как он этого хочет. Я могу быть шариком света, но я всегда буду наполовину дерзкой.

— Отлично, — говорю я, откусывая крошечный кусочек фруктового кекса. — Гадость. — Моя дрожь отвращения заставляет халат на мне слегка распахнуться.

Он прикусывает верхнюю губу, когда его взгляд опускается на мою грудь.

— Этот рецепт был в моей семье сотни лет, — предупреждает он.

— Значит, у твоей семьи нет вкусовых рецепторов.

Он щурится, но не моргает.

— Конечно, ты можешь дать мне более вдумчивый отзыв, Хлоя.

Я вздыхаю.

— Отлично. На вкус как будто кто-то высосал всю радость из Рождества.

Он встает.

— Ну все. Пошли.

Я оглядываюсь.

— Сейчас? В Рождество?

Он машет рукой.

— Ты сама сказала, дети слишком заняты игрой, чтобы беспокоиться о нас. Идем.

Каждый год мы пытаемся играть в эту игру. Теперь, когда дети немного подросли — и мои четыре сестры и родители рядом, если детям что-то понадобится — мы можем успешно ускользнуть в комнату для порки без предупреждения. Обычно нам приходится ждать, пока все лягут спать.

Может показаться немного странным настаивать на порке каждое Рождество, но думаю, что важно соблюдать традиции.

Он отпирает и толкает дверь, завлекая меня в глубокий, душераздирающий поцелуй.

— Я люблю тебя, даже есть ты оскорбляешь фруктовый кекс моей бабули.

Я ухмыляюсь, когда тянусь к дивану, наклоняюсь и задираю халат.

— Твоя бабуля плохой пекарь, Филипп, как и я.

— Ты заработала себе дополнительную порку, любовь моя.

Шлепок!

О, божечки, надеюсь на это.

КОНЕЦ